

Глава крепости Хэйяо — Сяо Цянь — был приёмным отцом Сяо Кана, который взял его на воспитание и вырастил в крепости.

Сяо Цянь вёл своих людей грабить богатых и помогать бедным, привлекая множество героев и храбрецов, благодаря чему крепость Хэйяо стала настоящим «поселением героев».

Однако никто не ожидал, что глава крепости неожиданно погибнет. Его тело было найдено местными жителями на обочине дороги и доставлено в крепость Хэйяо.

На тот момент Сяо Кану было всего четырнадцать-пятнадцать лет. После смерти Сяо Цяня остались его законная жена, госпожа Ли, их двенадцатилетняя дочь Сяо Лин и вся крепость.

В горе и печали, оставшись без лидера, люди единогласно решили передать управление крепостью Сун Юю.

Однако на тот момент Сун Юй был лишь третьим лицом в крепости. По логике, управление должно было перейти к второму лицу — Гуань Яо, но все знали, что тот был человеком свободолобивым, любил путешествовать и редко появлялся в крепости. Поэтому, с одной стороны, он не мог взять на себя управление, а с другой — и не хотел.

Так третье лицо, которому только исполнилось восемнадцать, взяло на себя управление крепостью и, несмотря на множество трудностей, постепенно укрепило свои позиции.

Вместе с этим Сун Юй также взял на себя заботу о приёмном сыне своего старшего брата, Сяо Кане.

Ведь госпожа Ли была обычной женщиной, которая могла научить лишь азам грамоты, но не могла обучить мальчика чтению, боевым искусствам и управлению, тем более что у неё была ещё и дочь.

До этого Сяо Кан не имел особых связей с этим приёмным дядей.

В крепости, где было около двухсот человек, все знали, что третий глава, Сун Юй, был человеком замкнутым, с холодным выражением лица, но нельзя было отрицать, что он был талантливым и преданным делу человеком.

Когда госпожа Ли привела Сяо Кана в покои Цинъюань, где жил Сун Юй, мальчик почувствовал некоторое напряжение.

В это время Сун Юй уже давно ждал во дворе. Госпожа Ли обменялась с ним несколькими вежливыми словами и, неохотно оставив Сяо Кана, ушла.

Сяо Кан смотрел на Сун Юя, который был на две головы выше него. Тот был одет в белые одежды с зелёными рукавами, на поясе висел меч, а кончики его глаз были длинными и слегка приподнятыми. Серебряная серьга в его левом ухе блестела на солнце. Он стоял, как сосна, и был красив, как драгоценный камень, с благородной внешностью.

— Приёмный дядя, — робко позвал Сяо Кан, невольно глядя на его ухо.

Сун Юй кивнул, задумался на мгновение и спросил:

— Боишься?

— Нет, — ответил Сяо Кан, хотя на самом деле он чувствовал некоторую робость.

Сун Юй, видя его избегающий взгляд, не удержался от вопроса:

— Если не боишься, почему не смотришь на меня?

— Можно сказать?

— Если я разрешаю, говори.

Сяо Кан тут же поднял взгляд на него, но снова невольно посмотрел на его ухо и замялся:

— Приёмный дядя, знаете ли вы, что такое «очарование во взгляде»?

Лицо Сун Юя внезапно потемнело:

— Сколько тебе лет?

— В прошлом месяце исполнилось пятнадцать, по китайскому счёту — шестнадцать, — серьёзно ответил Сяо Кан.

Сун Юй подумал, что он всего на четыре года младше его, и фыркнул:

— В таком возрасте уже используешь такие непристойные слова, как «очарование во взгляде».

— Нет, это не непристойные слова, — возразил Сяо Кан, который хотел сделать комплимент, но не ожидал такого ответа. — Приёмный отец тоже так хвалил приёмную мать...

Сун Юй, конечно, знал, что значит «очарование во взгляде», но ему показалось неуместным, что ребёнок использовал это выражение в его адрес.

— Идём за мной, — сказал Сун Юй, поворачиваясь, чтобы скрыть своё смущение.

— Хорошо, — тихо ответил Сяо Кан.

Они вошли во внутренний двор покоев Цинъюань и остановились перед одной из комнат.

— Отныне ты будешь жить здесь, — сказал Сун Юй, открывая дверь и входя внутрь.

Сяо Кан последовал за ним:

— А где будете жить вы, приёмный дядя?

— Напротив, — ответил Сун Юй, оглядывая комнату. — Если что-то понадобится, ищи меня.

— Хорошо, — сказал Сяо Кан, глядя на чистую и уютную комнату, и почувствовал себя лучше.

— Спасибо, приёмный дядя.

— Хотя я и был братом твоего отца, теперь, когда ты стал моим учеником, в крепости много сплетен. Поэтому отныне называй меня «приёмный учитель», а не «приёмный дядя», — серьёзно сказал Сун Юй.

Сяо Кан, конечно, понял его намерение:

— Хорошо, приёмный учитель.

Сун Юй, подумав, что ему ещё нужно заняться делами крепости, дал несколько указаний и

ушёл.

После его ухода Сяо Кан лёг на кровать и начал размышлять о своих делах.

Раньше он жил с приёмным отцом на восточной стороне крепости, где было много людей и царило оживление, а также было близко к кухне.

Теперь он переехал на западную сторону крепости, где было мало людей, и жил в изолированных покоех Цинъюань. Сяо Кану казалось, что здесь слишком холодно и одиноко, а также ему приходилось иметь дело с этим отстранённым приёмным дядей, что вызывало у него беспокойство.

С тех пор как он увидел холодное и бледное тело своего приёмного отца, он стал бояться одиночества.

Думая об этом, Сяо Кан завернулся в одеяло и крепко заснул.

Сун Юй весь день провёл в финансовом отделе, изучая бухгалтерские книги. С тех пор как случилось несчастье с главой крепости, в Хэйяо давно не было активности, и деньги только уходили, но не приходили.

Ежедневные расходы крепости также были высокими: каждый, кому нужны были деньги, должен был приходиться сюда и записываться. Кроме того, с увеличением числа людей в крепости расходы на закупку масла и риса для кухни также росли, и приходилось серьёзно задумываться о финансовых вопросах.

В конце концов, они были разбойниками, и если полагаться только на грабежи, то рано или поздно они останутся без средств к существованию, тем более что в крепости становилось всё больше женщин и детей.

Сун Юй провёл весь день за расчётами, и к тому времени, как у него появились некоторые идеи и планы, уже стемнело. «Четыре пальца» из финансового отдела посоветовали ему пойти поесть и отдохнуть, и только тогда он ушёл.

Когда он добрался до кухни, Сун Юй вспомнил о Сяо Кане, который остался один в покоех, и поспешил вернуться в Цинъюань.

К этому времени Сяо Кан проснулся уже полчаса назад, и в комнате было совсем темно. Ему было страшно, и он не решался встать с кровати, поэтому завернулся в одеяло и решил снова заснуть, чтобы дождаться утра.

Скрипнула дверь, и Сун Юй вошёл.

— Это вы, приёмный учитель? — Сяо Кан высунул голову из-под одеяла.

— Угу, — ответил Сун Юй, подойдя к столу и что-то ища. Вскоре он зажёл свечу.

Свет свечи постепенно осветил комнату, и Сяо Кан, увидев лицо Сун Юя, слез с кровати.

— Спал весь день? — без эмоций спросил Сун Юй.

Сяо Кан почувствовал себя неловко:

— Да.

— Пойдём со мной поесть, — Сун Юй хотел отругать его за то, что он потратил время впустую, но решил, что в первый день это было бы неуместно, и промолчал.

Они вышли из покоев Цинъюань и направились к кухне.

По пути многие здоровались с ними, но Сун Юй лишь слегка кивал в ответ, и Сяо Кан начал чувствовать к нему некоторое почтение.

Войдя в кухню, они взяли еду и сели за стол.

Сун Юй взял только миску рисовой каши и тарелку горчицы, а Сяо Кан — миску риса, полтарелки гуся и полтарелки тушёной сои.

Видя, что Сун Юй ест довольно «скромно», Сяо Кан потерял аппетит и чувствовал себя неловко.

— Не по вкусу? — спросил Сун Юй, положив ложку.

— Нет, — ответил Сяо Кан, чувствуя, что еда безвкусна, и, собравшись с духом, сказал:

— Приёмный учитель, возьмите мою еду.

Сун Юй сделал вид, что не слышит, и продолжил есть.

Сяо Кан, наблюдая, как он ест медленно и аккуратно, заинтересовался, какой вкус у еды в его миске.

— Поскорее закончи, и пойдём отдыхать, — не поднимая глаз, сказал Сун Юй.

— Хорошо, — аппетит Сяо Кана снова вернулся.

После еды они вместе вышли из кухни.

— Эх, в крепости в последнее время нет доходов, и уровень питания снизился...

— Да, ничего не поделаешь, третий глава тоже беспокоится...

— Внизу, в долине, люди живут, собирая колосья, а мы здесь, на горе... Эх, что за времена настали.

Два жителя крепости, идущие впереди них, небрежно говорили об этом, не зная, что их слова уже достигли ушей Сяо Кана и Сун Юя.

Лицо Сун Юя стало ещё мрачнее, а Сяо Кан не решался смотреть на него. Он вспомнил, как выбросил полтарелки тушёной сои в помойное ведро, и почувствовал сильное сожаление.

Когда они вернулись в покои Цинъюань, луна уже висела высоко в небе, и двор был залит серебряным светом.

— Хочешь помыться? — неожиданно спросил Сун Юй, поворачиваясь к Сяо Кану.

— А? — Сяо Кан на мгновение растерялся, но затем понял. — На заднюю гору?

На задней горе был водопад, от которого ответвлялось несколько озёр, и большинство жителей

крепости ходили туда купаться и стирать одежду.

— В начале весны, ты видел, чтобы кто-то купался в озере? — хотя Сун Юй шутил, его слова звучали как упрёк.

Сяо Кан почувствовал себя неуверенно:

— Тогда...

— Во дворе есть кухня, иди нагрей воды, — сказал Сун Юй и вернулся в комнату.

Авторское примечание: Пожалуйста, считайте «приёмного учителя» «приёмным дядей»... умоляю.

<http://bllate.org/book/16311/1471420>